

Под утро деревню разбудил яростный лай собак и встревоженный птичий гомон. Вооруженные люди бесцеремонно повалили хлипкие заборы и ворвались в поселок.

Мальчишка, которого оставили в комнате командира Пэя, всю ночь трясся от страха. Он прилежно разминал плечи захворавшему господину, подносил воду для умывания и усердно массировал ему ноги, боясь навлечь на себя хоть малейший гнев.

Пэй И великодушно уступил ему половину постели. Улегшись валетом, они долго и вполне дружелюбно шептались, расспрашивая друг друга о жизни.

— Ты ведь совсем молодой, смазливый, — тихо говорил Пэй И. — Мог бы уехать в город, найти нормальную работу, завести семью. Зачем тебе этот глухой угол? Зачем торговать телом и пресмыкаться перед наркоторговцами?

В горных селениях Северной Мьянмы процветала не только варка зелья. Здесь кормились целыми общинами, не брезгуя ни работорговлей, ни проституцией, ни откровенным сексуальным рабством.

Мальчишка кулаком вытер слезы. Его тело забилося в легкой, непроизвольной судороге, которая красноречивее любых слов давала ответ:

— Семья погрязла в долгах, а я сам подсел на дрянь. Всё, пропала жизнь.

Тяжелые шаги быстро приближались. Снаружи истошно голосили куры, свистел ветер. В следующий миг дверь с треском распахнулась, и в темноту комнаты заглянуло черное дуло автомата.

Лэй По сидел прямо на полу посреди комнаты, скрестив ноги. Длинные волосы живописными прядями падали на плечи, а лунный свет мягко очерчивал его безупречный силуэт.

Его лицо сковал лед.

— Бонайвэнь, что за шумиха? — холодно спросил Лэй По. — Солнце еще не взошло, а ваши псы уже подняли лай.

Вошедший боевик отличался крепким телосложением и свирепым нравом. Тяжелые надбровные дуги нависали над хитрыми темными зрачками в кольце широких белков.

Бонайвэнь ухмыльнулся, небрежно вскинув автомат:

— Прошу прощения, господин Лэй. Мы ищем кое-кого.

Головорезы без церемоний ринулись вперед, выбивая прикладом дверь во внутренние покои. Бонайвэнь взревел на местном наречии:

— Ах ты, паршивый шлюх! Так и знал, что ты здесь прячешься! Жить надоело? Я с тебя живьем шкуру спущу!

Перепуганного мальчишку выволокли из-под кровати. Он упал на колени, судорожно бясь лбом о дощатый пол и захлебываясь слезами.

Болезненный молодой господин Пэй зарылся поглубже в одеяло:

— Пожалуйста... не трогайте его.

Бонайвэнь процедил сквозь зубы:

— Господин Лэй, почему наши люди ошиваются в ваших комнатах?

Лэй По даже не дрогнул:

— Моему ненаглядному нужно было согреть постель и размять ноги. Есть возражения?

— Хе-хе... Ладно, — оскалился Бонайвэнь.

Один из громил швырнул мальчишке крошечный, с ноготок, пакетик с белым порошком. Глаза бедолаги лихорадочно блеснули, и он с животным восторгом бросился ловить подачку.

Лэй По не повышал голоса и даже не соизволил поднять глаз. Несмотря на то что он был безоружен, ворвавшиеся головорезы не смели сделать к нему ни шагу — от этого человека в черном веяло смертоносной угрозой, словно он весь состоял из обнаженных клинков.

Дуло автомата Бонайвэня так ни разу и не качнулось в сторону командира Лэя. Было видно, что боевик научен горьким опытом и до смерти боится этого человека.

— Это что же, ваша новая игрушка? — с легкой усмешкой кивнул на кровать наемник.

Лэй По процедил:

— Это мой мальчик. Попридержи язык, псина.

Пэй И, свернувшись под одеялом, прерывисто дышал. Он выглядел хрупким и беззащитным,

однако его правая рука лежала под подушкой, а пальцы были готовы в любой миг выхватить оружие.

Головорез, конечно, верил неохотно, но зацепиться ему было не за что — лица Пэй И он никогда не видел. В среде этих отбросов появление изнеженного красавчика никого не удивляло: скорее уж подозрительным показался бы урод. Наверняка очередная смазливая игрушка, пригнанная из Китая на потеху какому-нибудь боссу.

«Черная Мамба» заслужил свое имя на берегах Средиземного и Красного морей. Начни командир Пэй свою карьеру в этих краях, его, чего доброго, прозвали бы Суматранским тигром или каким-нибудь Орангутангом — благо в Шестом отделе хватало агентов со звериными позывными.

Прежде он редко покидал привычные пески и никогда не действовал в Юго-Восточной Азии. Это был его первый выход здесь. В этой глуши его никто не мог знать в лицо.

Зато сам Пэй И мгновенно опознал незваного гостя. Перед ним стоял Бонайвэнь — один из ключевых ликвидаторов наркобарона У Тинмао, фигурировавший во всех ориентировках по борьбе с наркотиками наряду с Ло Ле и Санкуном.

— Да, еще кое-что, — уже у порога обернулся Бонайвэнь. — Вы тут не сталкивались в последнее время с ищейками из Шестого отдела Яньчэна? С вашими бывшими коллегами, так сказать?

Лэй По с бесстрастным лицом ответил: — Нет.

— Нет.

— А Санкуна и Ло Ле за эти дни не видели?

— С чего бы мне с ними видеться? — тихо, словно шелест ветра, отозвался Лэй По.

Бонайвэнь вперил в него тяжелый взгляд и хрипло выдавил:

— Эти два идиота... мертвы. Их тела сейчас гниют в морге Макао. Говорят, их пришили агенты Шестого отдела.

— Вот как? — холодно усмехнулся Лэй По. — Вместо того чтобы сидеть смирно в своей норе, поехали дразнить копов и не сдюжили. Туда им и дорога.

Пэй И промолчал.

По сводкам информаторов, Санкун и Ло Ле были уложены наповал выстрелами из крупнокалиберной снайперской винтовки. Эта весть привела наркосиндикат в ярость: теперь они прочесывали каждый угол в поисках таинственного стрелка.

Боевик еще раз подозрительно осмотрелся, словно надеялся взглядом пробить доски пола. Однако устраивать погром при Лэй По он не решился — за тем угадывалась сила, с которой приходилось считаться. Вся эта банда, при всей своей жестокости, была труслива по природе и пасовала перед настоящей властью.

— Господин Лэй, вы ведь договорились с боссом, — понизив голос, заговорил Бонайвэнь. Его вкрадчивый шепот отчетливо доносился до чуткого слуха Пэй И сквозь влажную духоту комнаты. — Вы ведь получили немало щедрых даров от нашего босса... Порешите этих стариков из Шестого отдела, и мы поделим сферы влияния. Вам — северный транзит, нам — южный. Смотрите, держите слово.

— Они уже отыграли свое и доживают последние дни, — безучастно обронил Лэй По. — Я помню о нашем уговоре.

Бонайвэнь плотоядно оскалился:

— Послезавтра у нашего босса юбилей, шестьдесят лет. Празднуем в Мьичине. Сами понимаете, старым друзьям нужно держаться вместе. Босс лично просил передать, чтобы вы обязательно оказали нам честь своим присутствием.

Пэй И под одеялом наострил уши.

Лэй По сухо отрезал:

— Меня не интересует контрабанда камней и героина. Я не покупаю его товар, так что обойдетесь без меня.

Вдруг из-под вороха одеял, точно любопытный страус, высунулась взъерошенная макушка Пэй И:

— Ну что вы, мы непременно приедем! Поздравить такого почтенного господина — великая честь!

Бонайвэнь прищурился, пристально разглядывая его.

Пэй И соорудил самое невинное, глуповатое личико и умильно сощурился:

— Я ведь никогда не бывал в Мьичине, папочка! Ну папуля, сделай милость, возьми меня с

собой! Поглазеем на праздник, вкусно поедим...

От этого заискивающего «папочки» Лэй По едва не лишился дара речи. Он промолчал, мысленно проклиная этого языкастого паршивца.

Окрестности Мьичины. Над кронами непроходимых джунглей лениво кружили стервятники.

Лопасты вертолета с ревом рассекали раскаленный воздух, пригибая к земле буйную тропическую зелень. Посреди этого изумрудного океана проступили очертания древнего каменного города.

Старинный буддийский храм с восьмисотлетней историей был отреставрирован и превращен в помпезный отель-замок. За величественными стенами, украшенными старинными барельефами, скрывалась кричащая роскошь.

Многих почетных гостей вносили в сияющий золотом внутренний двор на паланкинах.

Пэй И решил не выделяться. Облачившись в местное белое одеяние с изящной вышивкой, он с томным и болезненным видом полулежал на носилках, пока его несли внутрь.

Зал ломился от респектабельной публики. Здесь собралась вся элита северного региона: от богатейших дельцов до чиновников местной администрации и высокопоставленных военных.

Пэй И скользнул поближе к своему спутнику и прошептал ему на ухо:

— А у юбиляра-то здесь всё схвачено.

— Он хозяйничает здесь больше двадцати лет, — тихо ответил Лэй По. — Самый могущественный властелин на всем севере.

«Могущественный властелин...» — беззвучно повторил Пэй И. — Главарь вооруженной группировки? Хозяин бескрайних маковых плантаций и подпольных лабораторий? И вся эта местная знать угоднически улыбается ему и преподносит дары? В этой стране вообще слышали о законе, совести и правосудии?..

— Когда на кону такие деньги, кому сдалась твоя совесть? — резонно возразил Лэй По.

Пэй И придвинулся еще ближе:

— Много лет назад наши провели здесь совместную операцию. Разгромили логово, уничтожили сотни боевиков, изъяли тонны чистейшей дури. Мы победили, но цена была страшной. Вы ведь помните это?

Лэй По остался безучастен:

— Я наркотиками не торгую. Какое мне до этого дело?

В конце концов он не выдержал, бесцеремонно сжал губы Пэй И двумя пальцами и беззвучно одними губами скомандовал: «Жить надоело? Заткнись».

В залах царил полумрак, золотые статуи Будды и Ганеши тонули в мягком свете светильников. Изысканность убранства поражала воображение.

Удивительный, пугающий контраст: искреннее религиозное благоговение здесь уживалось с грязным наркобизнесом и секс-индустрией, а каждый клочок этой благословенной земли насквозь пропитался дурманом маковых цветов и пролитой кровью.

Вскоре Пэй И увидел самого наркобарона. У Тинмао оказался невысоким, сухопарым человеком — на фоне своих громил-телохранителей он выглядел совсем крошечным. Двигался он неспешно, плавно.

Его смуглая кожа отливала бронзой, на ярком шелковом халате красовались цветочные узоры, а когда он улыбался, у глаз собирались мелкие морщинки, придававшие ему удивительно добродушный вид. Вся его манера держаться дышала спокойствием и умиротворением. Не знай Пэй И правды, он бы принял его за обычного торговца уличной едой, что ютится в каком-нибудь тихом переулке — из тех вежливых стариков, которые всегда с поклоном сдадут тебе сдачу до копейки.

Если бы Пэй И до дыр не затер досье этого человека, он бы решил, что обознался. Перед ним стоял безжалостный убийца, на чьих руках была кровь тысяч людей, но выглядел он как благообразный старец. Сами хозяева смерти никогда не притрагивались к своему товару — они травили чужие жизни, обеспечивая себе безбедное существование в роскошных замках.

Бонайвэнь наклонился к своему боссу:

— Парень рядом с Лэй По... Лицо незнакомое. Откуда взялся — неясно, пробить не удалось.

У Тинмао даже не повернул головы:

— Чем промышляет?

Бонайвэнь презрительно сплюнул:

— Да так, вертится юлой, все «папочкой» его величает. Смазливый донельзя. Наверняка обычный шлюх, пригнанный из-за границы.

Глаза У Тинмао едва заметно сузились:

— Как бы это не оказалась крыса из Шестого отдела.

Бонайвэнь ухмыльнулся:

— На легавого не похож... Уж больно повадки девичьи, да и сложен чертовски соблазнительно.

У Тинмао снисходительно улыбнулся:

— А у Командира Лэя, по-твоему, внешность заурядная? Выстави его на Золотой улице в Янгоне или Бангкоке — он бы стал главной звездой любого борделя. Но разве он похож на копа без формы?

Бонайвэнь послушно кивнул:

— Ваша правда, босс. Но я все же присмотрю за ним.

У Тинмао восседал в центре залы подобно милостивому божеству. Сегодня он был просто респектабельным торговцем нефритом и антиквариатом, отмечающим юбилей. В отеле соблюдалась строжайшая чистота — ни грамма белого порошка, ни единого намека на криминал. Даже если бы сюда нагрянул шеф полиции, ему не к чему было бы придраться.

Синдикат работал по безупречной схеме: строгая иерархия, бесконтактный сбыт через курьеров-одноразок. За каждым водителем следили матерые волки вроде Бонайвэня, Санкуна или Ло Ле. В случае малейшей опасности свидетелей убивали без жалости. Сам же У Тинмао оставался чист, недосыгаем для правосудия.

Разыгрывая из себя изнеженного баловня судьбы, Пэй И под благовидным предлогом покинул пиршество и скользнул за колоннаду.

Стоило ему оказаться в тени массивных столбов, как притворная слабость мгновенно испарилась — хищник расправил плечи, готовый к действию.

Он успел незаметно осмотреть номера нескольких важных гостей, но безрезультатно. Кругом царил идеальный порядок. Неужели поездка окажется напрасной? Он ведь сюда не ужинать

приехал.

В этот момент слуга почтительно зашептал на ухо У Тинмао:

— Босс, прибыли гости с материка.

У Тинмао приподнял бокал, сияя от гордости:

— Господин Чжао? Проси скорее.

— Старый босс Чжао прислал щедрые подарки и поздравления, но сам приехать не смог из-за неотложных дел. Вместо него прибыл Босс Чжан.

Пэй И уловил эти слова издали. Читая по губам, он на секунду замер. Мысли спутались в клубок. Чжан? Какой еще Чжан?..

Закат окрашил каменные колонны в багровые тона. В пруду лениво покачивались красные лотосы.

В залу уверенной, царственной походкой вошел мужчина. На нем был великолепный фрак, безупречно сидевшая сорочка с плиссировкой, а глаза скрывали темные очки. Его статная фигура и властный вид мгновенно приковали к себе все взгляды.

Пэй И медленно обернулся. Сердце пропустило удар.

Лэй По застыл.

Юбиляр тоже слегка удивился, но тут же расплылся в улыбке и поднялся навстречу:

— Мой дорогой господин Чжан!

У Тинмао сначала почтительно приветствовал его буддийским жестом, а затем раскрыл объятия для традиционного дружеского приветствия.

Мужчина во фраке ответил широкой улыбкой:

— Давно не виделись, — и шагнул вперед.

Даже если бы этот господин нацепил на себя три пары очков, Пэй И узнал бы его из тысячи. Это был Чжан Шаочи — глава кинокомпании Цзяхуан.

В голове Пэй И вспыхнуло глухое пламя. Как это понимать?..

Чжан Шаочи ни словом не обмолвился о своих связях с этим логовом.

Всего несколько дней назад, по пути в Гонконг, Шаочи с живым интересом расспрашивал его о делах мьянманского наркобарона. Но он скрыл главное: они с У Тинмао были старыми знакомыми.

У Тинмао увлек гостя к столу, добродушно посмеиваясь:

— У меня как раз припасена новая партия первоклассного нефрита, я ведь знаю твою страсть к камням... Кстати, тебя всё еще интересует тот палисандровый дом? А почему старик Чжао не приехал?

Чжан Шаочи небрежно снял очки и ответил безупречно вежливым тоном:

— У господина Чжао важные переговоры в Штатах. Там возникли небольшие визовые трудности, американцы его задержали. Так что он поручил мне лично засвидетельствовать вам почтение. Надеюсь, дядя Мао не обидится на его отсутствие.

Официальная часть подошла к концу. Свет в залы приглушили, и благообразная атмосфера буддийского храма мгновенно уступила место неоновому безумию закрытого ночного клуба.

На сцену выплыли полуобнаженные танцовщицы в образах небесных дев-апсар. Их тела, покрытые золотой пудрой, извивались в чувственном танце. Под ритмичную музыку они начали сбрасывать легкие одежды, обнажая бедра.

Чжан Шаочи сидел вразвалочку, лениво откинувшись на подушки. Он небрежно отмахнулся от ластившейся к нему златокожей девицы. Его горящий взгляд сквозь полумрак зала впился в сидевшего напротив молодого человека.

У Тинмао снисходительно заметил:

— Приметил кого-то, дружище?

Чжан Шаочи хмыкнул:

— Да так, лицо больно знакомое.

— Вот как? Твой знакомый?

Босс Чжан осушил бокал и процедил:

— Было дело. Кувыркался со мной, а потом сбежал прямо из моей постели.

В этот момент с черного хода бесцеремонно вошел вооруженный Бонайвэнь. Протиснувшись к У Тинмао, он шумно зашептал ему на ухо:

— Босс, проверили посты на границе и северные заставы. Чисто. На этого сопляка нет никаких документов. Никто его не видел.

На другом конце залы Лэй По, без труда прочитавший по губам слова боевика, напрягся. Его глаза хищно блеснули. Он мертвой хваткой вцепился в запястье Пэй И:

— Уходим.

Лицо У Тинмао утонуло в тени. Он тихо скомандовал Бонайвэню:

— Перекрой выходы. Не дай им уйти. Ночью найди повод взять парня и вытряси из него всё.

Но тут подал голос Чжан Шаочи:

— Дядя Мао, к чему ждать ночи? Мне прямо сейчас не терпится... расспросить его с пристрастием.

Его лицо пылало гневом, а во взгляде читалась ярость — похоже, материковому гостю не терпелось выместить злость на подвернувшейся жертве. Собравшиеся дельцы лишь понимающе переглянулись, готовясь к зрелищу.

Чжан Шаочи со стуком опустил пустой бокал на столик. Его ледяной взгляд уколол сидевшего напротив парня:

— стакан пуст. А ну-ка иди сюда и налей мне.

Пэй И сжался под этим взглядом, точно мышь перед сытым котом. Он готов был сквозь землю провалиться или проползти между ног у танцовщиц, лишь бы незаметно скользнуть к выходу. Лицо его залила пунцовая краска, и он упрямо забурчал под нос:

— Еще чего... Никуда я не пойду.

Чжан Шаочи сухо кашлянул:

— Я сказал: живо сюда.

У Тинмао вкрадчиво заметил:

— Господин Чжан, этот юноша вроде как под крылом Командира Лэя. Он его папочкой зовет.

Чжан Шаочи презрительно фыркнул:

— В моей постели он меня тоже папочкой зовет!

У Тинмао удивленно вскинул брови. Что ж, это многое объясняло.

Провинившийся «мышонок» неохотно поднялся. С видом полнейшей обреченности он протиснулся сквозь строй полуобнаженных танцовщиц, пересек невидимую черту и уселся рядом с Шаочи.

Пэй И с самым кислым выражением лица принялся разливать вино:

— Босс Чжан.

Чжан Шаочи высокомерно отвернулся.

Пэй И придвинулся ближе и послушно поднес бокал к его губам.

Чжан Шаочи одним глотком осушил бокал, бесцеремонно схватил Пэй И за подбородок и под вспышками неоновых огней грубо, яростно впился в его губы.

Его властный, настойчивый язык бесцеремонно проник за ограду зубов, заставляя Пэй И захлебнуться. Терпкое вино и обжигающее дыхание смешались в этом безумном поцелуе, заглушив тихий жалобный стон в его горле. Разум Пэй И мгновенно заволокло туманом, а в ушах зашумело.

В этом поцелуе было всё: запах дорогого алкоголя, горький табачный дым, ярость долгого ожидания и невыносимая, щемящая тоска друг по другу. Слова были излишни. Он целовал его так, словно хотел растерзать, подчинить себе без остатка.

Наказать, приручить, присвоить...

Вино хлынуло Пэй И в горло, заставив его судорожно закашляться. На его лбу проступила болезненная складка, но жесткая хватка на затылке и воротнике не ослабевала. Чжан Шаочи целовал его до изнеможения, лишая последнего воздуха.

Алая струйка вина побежала по его подбородку, пачкая белоснежное одеяние. На глазах у изумленной публики босс Чжан едва не довел своего спутника до обморока.

По зале прокатились негромкие смешки.

Подобные капризы богатых господ никого здесь не удивляли. Напротив, если бы они вели себя чинно и благопристойно, это вызвало бы куда больше вопросов.

Пэй И судорожно хватал ртом воздух, отчаянно пытаясь вернуть самообладание и прогнать остатки дурмана.

Запустив пальцы в его волосы, Чжан Шаочи прижал его к себе в откровенной, почти непристойной позе. Со стороны они походили на скульптурную группу храмовых божеств — порочную апсару, обвившуюся вокруг грозного Будды в экстазе священного союза.

— Бегай от меня дальше, паршивец, — прохрипел Чжан Шаочи, грубо потирая его покрасневший подбородок.

Пэй И опустил ресницы:

— Да я и не бегал особо...

— Дрянь такая, — вполголоса выругался Чжан Шаочи, не в силах сдержать кипевшую в нем злость. — Какого черта ты забыл в этой дыре? Нефрит приехал добывать?

Пэй И картинно затрепетал:

— Просто решил развеяться. Скоро вернулся бы.

— Что, дома скучно стало? Я тебя мало ласкал?

— В самый раз, — пробормотал Пэй И с невинным видом.

Чжан Шаочи прикусил мочку его уха, оставляя багровый след:

— Мелкий паршивец. Извел меня совсем... Живо домой поедешь.

У Тинмао молча наблюдал за этой сценой.

Оказавшись в тисках крепких объятий Чжан Шаочи, Пэй И не терял бдительности. Он находился так близко к окружению У Тинмао, что уловил специфический химический запах, исходивший от одного из телохранителей. Так пахло от закоренелых наркоманов, плотно сидевших на синтетике.

Краем глаза он послал виноватый взгляд Лэй По: «Прости, папуля. Послушный сын сейчас немного занят».

Спектакль получился чересчур правдоподобным.

Взгляд Лэй По, наблюдавший за ними издалека, подернулся печальной дымкой. Его янтарные глаза потемнели, наливаясь глухой яростью — или тоской по той близости, которой ему самому никогда не суждено было изведать.

«Папочка» сыграл свою роль, и теперь командир Лэй чувствовал себя разгневанным родителем, на глазах которого наглый боров топчет его любимую клумбу. Но поделаться с этим наглым «налетчиком» он ничего не мог. Он планировал вывезти Пэй И по-тихоому, но господин Чжан бесцеремонно явился сам и забрал свою добычу средь бела дня.

Раскрывать карты этих двоих прямо сейчас Лэй По не собирался. Сжав зубы и проглотив обиду, он молча поднялся и покинул пиршество.

В полумраке курился сладкий, дурманивший фимиам, тени плясали на алых узорах персидских ковров. В этой тягучей, пьянящей атмосфере они сидели, тесно прижавшись друг к другу, соприкасаясь носами и шепчась. Тяжелый аромат благовоний кружил голову, заставляя терять контроль.

Чжан Шаочи наполнил бокал до половины и проследил, как Пэй И делает глубокий глоток.

Затем он резким движением сбросил свой длинный фрак и накрыл им голову любовника, спрятав его лицо у себя на коленях...

Откинувшись на спинку дивана, Шаочи прикрыл глаза. Его кадык судорожно дернулся, выдавая бушевавшую внутри бурю наслаждения. Под плотной тканью фрака его ладонь ласково, но крепко сжимала затылок Пэй И, направляя его движения.

Он не желал делить это зрелище с посторонними, но правила игры требовали показать присутствующим свою власть над парнем. Всё происходящее было скрыто от любопытных глаз полами одежды. Лишь легкая дрожь, пробежавшая по их коленям, выдавала тайное действо.

Гости, увлеченные беседой, делали вид, что не замечают этой пикантной сцены. В их кругах

подобные вольности считались пустяком. Изредка кто-то понимающе ухмылялся в кулак.

Чжан Шаочи сохранял абсолютное хладнокровие. Он шумно выдохнул, непринужденно перебросился парой слов с сидевшим рядом дельцом, лениво прикурил предложенную сигару и выпустил густую струю дыма. Лишь изредка его веки подрагивали, а из горла вырывался тихий, едва слышный стон удовольствия...

Когда всё закончилось, он как ни в чем не бывало откинул полы фрака.

Взгляд Пэй И был затуманен, губы припухли, а на белой сорочке расплылось багровое пятно от пролитого вина. Сгорая от смущения, он уткнулся лицом в плечо Шаочи.

Босс Чжан с виноватой улыбкой кивнул хозяину дома:

— Прошу простить, дядя Мао. Мой малый разнервничался, устроил тут сцену. Не обессудьте.

— Пустяки, дело молодое, — благодушно отмахнулся У Тинмао.

— Пожалуй, я вернусь в отель. Не буду злоупотреблять вашим гостеприимством. Завтра обсудим дела, — попрощался Чжан Шаочи.

Десятки оценивающих, тяжелых взглядов провожали их до самого выхода, пока их силуэты не растворились в полумраке коридора.

Бонайвэнь проводил Пэй И похотливым взглядом, задержавшись на его стройных ногах:

— Босс, а парень-то горяч. Сладкий кусочек... На легавого точно не похож, обычный породистый шлюх.

В этом змеином гнезде никто никому не верил. Наркобарон едва заметно качнул головой, давая знак придержать коней:

— Сегодня не трогайте их. Но присматривайте в оба глаза.

Хрупкое равновесие сил, взаимное недоверие и опасения связывали всех руки. Никто не решался сделать первый шаг в этой сложной игре. И вопреки всему, эта тревожная ночь в древней Мьичине прошла на удивление тихо.

<http://bllate.org/book/19434/1999069>